

- Вы уже довольно давно живете на Западе. Кем вы ощущаете себя сегодня? По-прежнему российским немцем? Русским в Германии?

- Я везде ощущаю себя немного чужим, посторонним. Происхождение у меня, прямо скажем, сложное: я наполовину немец, наполовину - еврей. И это сочетание довольно трагичное. Впервые я почувствовал всю тяжесть своего положения, когда началась вторая мировая война. Я вышел на улицу, и соседские мальчишки тут же сообщили мне эту новость, сопровождая ее не слишком литературными выражениями. Да и потом, когда я вырос и война закончилась, мне не давали об этом забыть. Не слишком хочется все это вспоминать, но, когда мы еще жили в России, мне часто по телефону... рекомендовали уехать подальше. Уже не как немцу, а как еврею. Но я вырос на русской земле, на русской культуре и считаю ее своей. Особенно здесь, в Германии.

- Вам не хватает Москвы?

- Да. Мы уезжали не навсегда, просто - работать. И до сих пор не хотим вывозить из московской квартиры книги и ноты: это означало бы, что нашим домом окончательно станет Гамбург. В первый год после отъезда мы нигде не жили постоянно дольше трех недель, все время возвращались в Москву... Потом случилось так, что я заболел, и это стало удаваться все реже, и я осознал, что уехал из страны, где вырос, из Москвы, которую любил, из среды, которую жил. Та среда была уникальна. Система давила, но она же и спланировала людей. У нас было несколько десятков близких друзей, не только музыкантов, писателей, режиссеров, что, наверное, естественно, но даже дипломатов. Мы были不可或缺имы им, они - нам... Сейчас этот круг разлетелся по всему свету. Да, власти трепали нам

А. Шнитке.

Больше, чем музыка...

Алфред Шнитке и факсы. - 1994. - сент. 10-30. - с. 7.
Это не интервью в обычном понимании слова. Альфред Шнитке, композитор с мировым именем, всю жизнь прожил в России и только в 90-м году уехал работать в Германию, получив приглашение Гамбургской консерватории. В настоящее время серьезно болен, находится в больнице. С журналистами не встречается и интервью не дает. Получив наши вопросы, жена композитора, Ирина Шнитке, обсудила с ним ответы и пересказала их нам. Особый строй речи, присущий только Альфреду Гарриевичу, при этом, естественно, не мог сохраниться, но мысли его мы постарались донести до читателей.

нервы, но люди, обычные люди, - спасали, поддерживали и наполняли смыслом жизнь. На мои концерты ходят во всем мире, но нигде эта музыка не нужна так, как была нужна тогда в России. Это было больше, чем музыка...

- Существует расхожее мнение, что тоталитаризм в какой-то мере способствует развитию культуры в целом и музыки в частности. Как вы относитесь к этому утверждению?

- Я ненавижу всякое насилие. Но, вероятно, художника, любого, можно сравнить с пружиной. Некоторое давление на него даже необходимо: да, он сжимается под действием внешней среды, но, распрямляясь, творит. Важно только, чтобы это давление не было чрезмерным, не превращалось в пресс, в могильную плиту, из-под которой невозможно выбраться. А тоталитаризм зачастую не просто давит, а убивает. И это страшно.

- Что, по-вашему, будет считаться классикой в следующем столетии?

- Трудно сказать конкретно - об этом узнают те, кто будет ее тогда сочинять и слушать. Но в ис-

тории достаточно примеров, когда и авангард, и легкомысленные оперетты, и другие самые противоположные направления становились потом классическими образцами. И поэтому к любой существующей сегодня музыке надо относиться серьезно.

- В своей семье вы были первым музыкантом, но, как оказалось, не последним?

- Да, мой сын Андрей тоже стал композитором. Над музыкой к некоторым фильмам мы работали с ним параллельно. Обсуждали с режиссером суть, выработывали вместе какую-то общую концепцию, а затем решали по сценарию, какой отрывок ближе мне, какой - ему. И писали потом совершенно независим друг от друга. Так была написана музыка к фильму Пудовкина "Последние дни Санкт-Петербурга", к "Мастеру и Маргарите" Юрия Кара... Сейчас Андрей работает над электронной частью оперы "Фауст".

- В молодости всем свойственно ставить перед собой глобальные задачи, в течение жизни постепенно сводить их до разумного прожиточного минимума и, наконец, тихо мучиться чувством неудовлетворенности...

- До конца осуществить свои планы не удастся никому из смертных. Я с детства мечтал стать композитором - и больше никем. Мама рассказывала, что, когда мне было два года, у меня была любимая игра: стучать на кухне крышками и ложками. Видимо, уже тогда я сочинял музыку, хотя осознал себя как музыканта, конечно, гораздо позже... Я стал композитором. Но человеческая жизнь слишком коротка, и все планы осуществлены быть просто не могут...

Яна ЗУБЦОВА,

Андрей ХРИПИН

P.S. Альфред Шнитке пишет музыку, наверное, во всех существующих сегодня жанрах. В последнее время композитор все чаще обращается к оперному жанру. Недавно в Амстердаме состоялась мировая премьера его оперы "Жизнь с идиотом" по роману В. Ерофеева, а 26 мая 1995 года в венской "Штаатс-опер" будет представлена новая опера "Джезуальдо" (дирижер М. Ростропович).

Редакция "АиФ" благодарит жену композитора Ирину Федоровну Шнитке за помощь в организации интервью, а также переводит на счет "Шнитке-фестиваля", вскоре открывающегося в Москве, 5 миллионов рублей. (Телефон и факс оргкомитета фестиваля - (095) 930-44-35).

Фото ИТАР-ТАСС

Шнитке Альфред
Гарриевич

09.94